

спогадів, що зринали через музику (природню чи створену людиною). Натомість в американському оповіданні музика не звучить: Дж. К. Оутс, описує концертний зал, сцена якого ще пуста, так би мовити перебуває «в очікуванні», а історія кохання Анни наповнена звуками гучних телефонних дзвінків у її великому пустому будинку та спогадами про щасливий гавкіт собаки на морському узбережжі.

Отже, можна зауважити, що американська письменниця сприйняла чеховський досвід створення живого моменту буття, коли митець прагне передати найтонші порухи душі своїх героїв і, не засуджуючи нікого, показати людину в усій її багатообразності. В оповіданні «The Lady with the Pet Dog», що є найвідомішою варіацією в американській літературі оповідання А. Чехова «Дама з собачкою», Дж. К. Оутс акцентує увагу на жіночому баченні і жіночому письмі, одночасно прагнучи універсальності авторського бачення.

Список використаних джерел

1. Котлярова В. В. А. П. Чехов и социально-психологическая драма США XX века (к вопросу о традициях и взаимодействиях в мировой литературе) // *Мировая литература в контексте культуры*. 2008. № 3. С. 52–57. 2. Чехов и мировая литература. (Литературное наследие). М.: Наука, 1997. Т. 100. Кн. 1. 639 с. 3. Чехов А. П. Дама с собачкой. // *Чехов А. П. Избранное*. М.: АСТ, 2011. С. 665–682. 4. Bellamy J. D. *The New Fiction. Interviews with Innovative American Writers*. Champaign, IL: University of Illinois Press, 1974. 210 p. 5. Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. 514 p. 6. May C. E. *Chekhov and the Modern Short Story* // Bloom H. *Anton Chekhov. Ph.*: Chelsea House, 1999. P. 151–168. 7. Oates J.C. *The Lady with the Pet Dog* // *The Bedford Introduction to Literature / Ed. M. Meyer*. Boston: Bedford Books of St. Martin's Press, 1993. P. 163–175.

А. М. Гомон

СУДЕБНАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ Л.Н.АНДРЕЕВА

Первые пробы пера Леонида Андреева относятся к 1892 – 1897-му годам – времени его учебы на юридическом факультете Петербургского, а позже – Московского университета. Окончив весной 1897-го года юридический факультет Московского университета, Андреев начал участвовать в судебных процессах в должности помощника присяжного поверенного. Осенью того же года будущий писатель начинает сотрудничество с газетой «Московский вестник» в качестве судебного репортера. Немного позже начинающий писатель переходит в газету «Курьер» в том же качестве судебного хроникера. Судебные отчеты Андреева (их на протяжении 1897 – 1903-го годов было написано около четырехсот), как отмечал В. Гиляровский, приобретали характер художественных и читались с захватывающим интересом.

Работа Андреева в суде и сюжеты его многочисленных репортажей под смеховым углом зрения отразились в ряде его зрелых произведений, так или иначе связанных с судебной тематикой и вопросами юриспруденции – в «Защите» (1898), «Мысли» (1902), «Моих записках» (1908), «Кающемся» (1913) и др. Среди них и новелла «Валя» (1900), в основу которой был положен судебный отчет «Пять лет неизвестности» (Курьер.1899.13 сент.). Сюжет произведения демонстрирует суть поговорки: «Закон – дышло, куда хочешь, туда и воротишь». Такое применение «закона» искалечило судьбы всех героев, которые так и не смогли понять, «как *трое* судей могут не согласиться с тем, что решили *трое таких же* судей, когда законы одни и там и здесь...» [1, с.131].

Образ Фемиды как «двуликого Януса» лежит и в основе автобиографической новеллы «Первый гонорар» (1900). Сюжет новеллы анекдотичен: блестяще, по всем правилам, проведя одну из первых защит, начинающий адвокат Толпенников

неожиданно понимает, что оправдал мошенников. «*Действительность*» (генеральша Пелагея фон Брезе «действительно виновна») и «*очевидность*» («А другой раз вы только с приказчиками не разговаривайте» [1,с.225]) *трагикомически* не совпадают. В «Первом гонораре» впервые возникает характерная для художественного мира Андреева ситуация *иронии самой жизни*.

Ироническое изображение суда также находим в небольшой «сценке из судебной жизни» (название Андреева – А. Г.) «Старухи» (1905), являющейся как бы черновым наброском к новелле «Христиане» (1906). В «угрюмом и зловещем зале» Окружного суда, «*вдруг началось смешное* – и началось оно с делом Елены Драгомановой <...> В Шестаковском приюте для одиноких старух произошло событие: призреваемая Елена Драгоманова украла у Феклы Михеевой тридцать рублей, которые та приготовила себе на похороны, и из украденных денег успела растратить 2 р. 65 копеек прежде, чем кража обнаружилась и ее уличили» [2,с.265-266].

Незначительность суммы и смехотворность преступления вызывают закономерную реакцию: «...прокурор заинтересовался; пристав и ему сообщил, в чем дело <...> *Потом оба засмеялись*: пристав почтительно, а товарищ прокурора фамильярно в отношении к суду. *Улыбнулся* в ответ и председатель – но строго» [2,с.267]. Однако, представ перед судом, «маленькая и сухая» старушка, «презирающая все приличия и порядки этого торжественного места», решительно отказывается отвечать на вопросы председателя («У ней спроси, куда мой сахар девала»), «и не видно было, чтобы торжественная остановка суда, мундиры и красное сукно произвели на нее какое-нибудь впечатление» [2,с.267]. Подобно будущему «упрямому попугаю» («Талант» (1915)), подсудимая вносит хаос в «торжественную и неспешную» судебную работу: «Изнемогая от чувства неприличия и беспорядка, старичок пристав <...> что-то яростно шептал ей на ухо, а она не слушала его и издали кричала прокурору:

– Ты ее про сахар спроси!» [2,с.268].

Окончательно вносит смятение и разброд вызов свидетелей, «двенадцать старух, одетых в черные платки <...> беспорядочных, бестолково шумных, расползающихся во все стороны, как обрывки черного дыма, разорванного ветром. Одни шли медленно, опираясь на палки, другие забирались вперед, влезали на возвышение, где находился суд, на трибуну прокурора; вступали в беседу с присяжными заседателями, с публикой – и весь красный от натуги бессильно метался вокруг них старичок пристав. Пока он устанавливал одну, другие расходились, и на все это бессильно смотрел председатель, охрипший от крика и тоже красный» [2,с.268].

Ироническое воспроизведение процессуальных особенностей судопроизводства очевидно также и в более поздней новелле «Христиане» (1906), в котором прослеживаются атрибутивные элементы формы репортерского отчета, что, по мнению М. Горького, усиливает впечатление. Произведение строится на развертывании «этического парадокса» (ср.: «Тьма» (1907); «Иуда Искариот», (1907)). Героиня рассказа, «свидетельница Караулова», на том основании, что она проститутка, своим неожиданным отказом от «простой формальности» (христианской присяги) вносит смятение в привычный, комфортный («*весело, тепло, уютно*» [2, с.101]), хорошо отлаженный механизм правосудия, «и вместо плавного, отчетливого, стройного постукивания судебного аппарата получалась *нелепая бестолковщина*» [2,с.109]. По верному наблюдению Л. Иезуитовой, «в «Христианах» удачно сочетаются элементы *судебного репортажа* (строгое изложение процедуры суда) с элементами *пародии* на него (явный *иронический* отсвет, ставящий под сомнение возможности этого описательного жанра проникнуть в суть происходящего, рассказать «правду» о нем)» [3,с.198].

Судебные репортажи Л.Н.Андреева дают возможность понять существенные аспекты его мировоззрения, проследить начало процесса его формирования как самобытного писателя. Таким образом, работа Андреева судебным репортером, его размышления и наблюдения в этой области, использованные им в дальнейших художественных исканиях, могут рассматриваться как первые творческие шаги начинающего писателя, повлиявшие на формирование андреевской модели мира и человека, в том числе и ее смеховой составляющей.

Список использованных источников

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Худож. лит., 1990. Т.1. 2. Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23-х т. М.: Наука, 2017. Т.4. 3. Иезуитова Л. А. Рассказ Леонида Андреева «Христиане»: репортаж? – пародия? – притча? / Леонид Андреев: материалы и исследования. М., 2000. С.195–228.

О. Є. Гуменчук

СЕМАНТИКА НІМЕЦЬКИХ ОСОБОВИХ ІМЕН У ДІАХРОНІЧНОМУ РОЗВИТКУ

До власних імен – антропонімів – належать особові імена та прізвища, до яких також відносяться прізвиська (Heinrich der Löwe) і особові збірні іменники (Alemannen, Hessen, Russen, Schweizer). Об'єктом нашого дослідження є імена та прізвища давньогерманського походження.

Ім'я вважалось даром, у якому закладений деякий таємний зміст. Давні германські імена за своєю морфологічною структурою були композитивами, що складаються із двох компонентів. Спочатку обидва компоненти утворювали семантично прозоре ціле: Siegfried означало «той, хто приносить мир через перемогу». Однак згодом компоненти складного імені могли підбиратися таким чином, щоб один з них входив до складу імені матері, а інший – батька Зрозуміло, що при цьому обидва компоненти, складені разом, уже не утворювались семантично цільне найменування. Тому багато давніх германських імен важко перекладати.

Як показують дослідження, складання компонентів у германських власних іменах здійснювалося за певними фонетичними, морфологічними і семантичними моделями. [1,с.471]

Семантика компонентів, з яких склалися особові імена, найчастіше відноситься до сфери позначення війни й битви, зброї, слави, сили, хоробрості й відваги, рідше – любові й дружби. Жіночі імена за своєю семантикою мало чим відрізнялися від чоловічих. Компонентом, що часто зустрічається у германських власних іменах, були назви вовка, кабана, орла, зброї. Також частим у власних іменах було вживання компонентів «слава», «влада», а також кореня *wald - «сила, влада» та понять «святий», «цілий, здоровий». Деякі імена були пов'язані з іменами богів. Після випадання початкового h у сполученні hl це ім'я набуло форми Ludwig – Людвіг, Людовик. Особливо часто у германських іменах зустрічається компонент [rīk-] «правитель». Ім'я кожної людини відрізнялося від імені іншої, тому кількість германських імен постійно росла. До VIII-IX століть налічувалося близько 2000 таких складань [1,с.473].

Але з ростом міст, з необхідністю, що з'явилася, документально оформляти форми володіння власністю, передачі спадщини тощо виникла необхідність у додаткових диференціюючих позначеннях особистості людини. Так виникли прізвища. Як правило, першими прізвищами були прізвиська. Вони з'явилися через потребу точної ідентифікації спершу особистості, а з часом і родового позначення.